

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

*ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО*

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

А. П. РИФТИН

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФОРМ НАКЛОНЕНИЙ В АРАБСКОМ И АККАДСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема наклонений глагола в семитических языках представляется нам одной из наиболее трудных и наименее разработанных среди проблем указанной части речи. Особые трудности возникают при исследовании происхождения форм наклонений, которые, насколько нам известно, остаются до сих пор необъясненными. Эта небольшая работа ставит себе задачей исследование образования и развития некоторых наклонений в пределах семитических языков. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению интересующего нас вопроса, мы считаем необходимым остановиться на том, что мы понимаем под термином наклонение. Дело в том, что не все то, что называется наклонением в традиционных грамматиках семитических языков, в действительности является наклонением. Так, например, в грамматике аккадского (ассиро-вавилонского) языка различаются в числе других наклонений также *subjunctiv* и *energicus*.¹ Последняя форма, как показал Landsberger,² есть не что иное, как выражение направления движения, *ventiv* или *terminativ*, как ее называют. Она может находиться как при изъявительном, так и при повелительном и других наклонениях и характеризуется особым суффиксом. Равным образом и *subjunctiv* нельзя считать в аккадском языке наклонением, потому что в этой форме находятся только вербальные сказуемые придаточных предложений. Мы будем в дальнейшем под наклонением понимать то, что принято современным языкознанием и что прекрасно сформулировано у В. В. Виноградова: „Категория наклонения выражает точку зрения субъекта на содержание самого глагольного высказывания, на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом. Категория наклонения выражает оценку реальности связи между действием и его производителем (производителями) с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи“.³

Что же касается форм, в которых выражаются наклонения, то их можно разделить на морфологические и синтаксические. Поскольку происхождение синтаксических форм выражения наклонений, как правило, более или менее ясно, то, естественно, наше внимание привлекают морфологические формы выражения, генезис которых до настоящего времени остается еще неизвестным. Надо отметить, что семитские языки обла-

¹ A. Ungnad. *Babylonisch-assyrische Grammatik*. München, 1926, § 32.

² B. Landsberger. *Der „Ventiv“ des Akkadischen* (ZA NF, I, 1924, p. 113 ff.).

³ В. В. Виноградов. *Современный русский язык*, вып. 2, М., 1938, стр. 450.

дают незначительным количеством наклонений, выражаемых морфологически. Это обстоятельство стоит в теснейшей связи с развитием анализа в пределах семитических языков, следовательно, со стиранием морфологических форм и развитием синтаксических. Наиболее далеко процесс анализа зашел в живых семитических языках, однако черты его можно отчетливо проследить и в древних языках этой группы. В виду того, что морфологические формы лучше всего сохранились в аккадском и арабском языках, материалы этих языков и будут положены в основу нашего анализа. Особый интерес для нас представляет тот факт, что те формы, которые в арабском языке выражают значение наклонений, в аккадском языке существуют, но не все из них имеют значение наклонения. Далее, любопытным является также и то, что формы, совпадающие в обоих языках, в каждом из них имеют значение разных наклонений. Если, например, в арабском языке глагольные формы ед. ч. на „u“ и „a“ выражают изъявительное и сослагательное наклонения, то в аккадском языке формы на „u“ и „a“ — формы *subjunctiv'a* и *energicus'a*, которые, как мы видели, не являются формами, выражающими наклонение.¹ Если затем, в арабском языке усеченная форма, прежде всего, служит для выражения условного наклонения, то в аккадском языке эта же форма имеет значение изъявительного.² Не может быть упущено из виду и то, что указанные показатели интересующих нас форм совпадают с падежными окончаниями в семитических языках. Итак, все, вместе взятое, заставляет нас обратиться к проблеме наклонений. Рассмотрим сначала материалы аккадского языка.

Изъявительное наклонение в аккадском языке является формой, лежащей в основе всех других нас интересующих форм (кроме повелительной), так как она в ед. ч. в конце имеет нулевой показатель, обнаруживает чистый корень. Эта форма справедливо может считаться древнейшей среди наклонений, исключая повелительное. Анализ изъявительного наклонения нас здесь больше интересовать не будет, потому что он приведет нас к образованию глагольной формы вообще, возникшей из местоимения и имени с значением действия или состояния в предикативной функции. Что же касается содержания изъявительного наклонения, как грамматической категории, выражающей отношение к действию или состоянию, заключенному в глаголе, с точки зрения реальности, то исследование его должно быть связано с целым рядом сложных проблем гносеологического характера, которые мы в этой статье опускаем. Нам необходимо будет перейти дальше к разбору форм *subjunctiv'a* и *energicus'a* в аккадском языке. Выше мы говорили, что эти формы не являются выразителями особых наклонений, а представляют глагол в изъявительном наклонении в функции предиката придаточного предложения, когда дело идет о *subjunctiv'e*, и то же изъявительное наклонение в *ventiv'e*, когда дело идет об *energicus'e*. Однако, так как эти обе формы в арабском языке выражают изъявительное и сослагательное наклонения, они должны быть рассмотрены и в аккадском.

Форма *subjunctiv'a* была предметом нашего специального исследования, и поэтому мы можем здесь ограничиться кратким изложением добытых уже результатов.³

¹ Например, аккадская форма *subjunctiv'a*, оканчивающаяся на „u“, есть только форма глагольного сказуемого придаточного предложения, а форма на „a“ выражает в аккадском *ventiv*. Первая имеет вид *ikšudu*, вторая — *ikšuda(m)* в Praeter. первой породы от глагола *kašādu* 'достигать'.

² Например *ikšud*, форма с нулевым показателем, есть форма изъявительного наклонения.

³ А. Р и ф т и н. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. Советское языкознание, т. III, стр. 59 и сл.

Мы исследовали аккадскую конструкцию типа awât iqbû 'слово, которое он сказал', причем союзное слово „который“ отсутствует в аккадской фразе. Особенность этой конструкции заключается в том, что слова, определяемые придаточным предложением, стоят в форме status constructus, иначе говоря, в форме имени, управляющего родительным падежом другого имени, а глагол-сказуемое стоит в subjunctiv'e в форме на „u“, характерной для придаточного предложения. Ungnad совершенно правильно указал, что по существу перед нами именная конструкция,¹ и возражения Brockelmann'a не могли поколебать эту точку зрения.²

Затруднение, следовательно, заключалось в том, что имя как бы управляет другим именем, а вместо формы управляемого имени стоит глагол в форме subjunctiv'a на „u“. Мы полагаем, что это затруднение может быть удовлетворительно разрешено, если мы усмотрим в subjunctiv'e субстантивизацию глагола. Иначе говоря, показатель сказуемого придаточного предложения должен быть один из показателей при существительном. В результате работы Soden'a³ мы теперь знаем, что в аккадском языке был падеж на „u“ со значением локатива, который застыл в целом ряде выражений наречного характера. Субстантивизация же глагольного сказуемого заставляет предположить, что до глагола в этой позиции было имя со значением действия или состояния в косвенном падеже.

Такая синтаксическая конструкция нам известна в оборотах с так называемыми отглагольными именами, передающими содержание придаточных предложений. В аккадском языке часты такие обороты с инфинитивом в родительном падеже с предлогом. Самое же интересное с нашей точки зрения заключается в том, что в аккадском языке сохранились обороты с инфинитивом с предлогом или без него, в которых инфинитив стоит в падеже на „u“.⁴ В них-то мы и хотим видеть именную конструкцию, которая впоследствии была заменена вербальной. Поскольку падеж инфинитива показывал на зависимость оборота и на тип связи, то естественно, что спрягаемая форма глагола, заменив отглагольное имя, получила его показатель, т. е. номинализировалась. В итоге же получилось: 1) что оборот с отглагольным именем превратился в придаточное предложение; 2) что предлоги стали употребляться как подчинительные союзы. Впоследствии употребление подчинительных союзов привело к тому, что „u“ потерял со временем свой именной характер и положил начало особой глагольной форме — subjunctiv'u, которая употребляется только в придаточных предложениях. Итак, оказалось, что аккадский subjunctiv есть не что иное, как глагол в изъявительном наклонении, функционирующий как предикат придаточного предложения.

Перейдем теперь к рассмотрению аккадского energicus'a. Последний был предметом обстоятельного исследования Landsberger'a,⁵ который доказал, что эта форма по содержанию является ventiv'ом, указывающим на направление движения к определенному пункту, тем самым выражающим предел движения. Показатель этой формы в ед. ч. „am“ совпадает с окончанием винит. пад. имени и дат. пад. местоимения первого лица при глаголе.⁶ Нам кажется, что совпадение не является

¹ A. Ungnad. ZA, XVIII, p. 58. — Idem. Babylonisch-assyrische Grammatik§, 16.

² C. Brockelmann, Grundriss, II, Anmerk., p. 554.

³ W. Soden. ZA NF, VII, p. 93 ff.

⁴ Op. cit., p. 122, Anmerk. 1.

⁵ B. Landsberger. Der „Ventiv“ des Akkadischen. ZA NF, I, 1924, p. 113 ff.

⁶ Примерами являются следующие формы: 1) energicus illik-am 'он пришел сюда'; 2) вин. пад. имени в ед. ч. mâ-t-am 'страну'; 3) дат. пад. местоимения первого лица при глаголе iddin-am 'он дал мне'.

случайным, так как эти формы указывают на направление и предел движения. Этот формант, однако, распадается при анализе на „а“ + „м“, происхождение которых пока остается еще неясным. Оставляя в стороне элемент „м“, который, повидимому, связывается с указательными местоимениями в пределах семитических языков, мы констатируем, что элемент „а“ имеет пространственное значение, именно, указывает направление и предел движения, откуда и происходит скорее всего совпадение указанных выше форм *energicus'a*, вин. пад. имени и дат. пад. местоимения.

Если мы теперь обратимся к наклонениям в классическом арабском языке, то, как указывалось уже выше, мы увидим совпадение форм с аккадскими, содержание же в арабском будет иное.

Начнем обзор с арабского сослагательного наклонения, которое формально совпадает с аккадским *energicus'om*, так как оба имеют в качестве форманта „а“. В арабском эта форма на „а“ употребляется только с союзами подчиненного типа и прежде всего выражает целевые отношения.¹ Сопоставление с другими языками показывает, что выражение отношений цели обычно восходит к формам, обозначающим направление и предел движения.² Мы склонны поэтому предположить, что совпадение форм аккадского *energicus'a* с арабским *subjunctiv'om* не случайно: арабское сослагательное наклонение представляет более высокую ступень развития и специализации, чем аккадский *ventiv*. Мы полагаем также, что это развитие есть результат роста сложно-подчиненного предложения, в частности предложений целевых.

Чрезвычайно любопытным представляется нам условное наклонение в арабском, которое по форме совпадает с аккадским изъявительным наклонением, так как оба имеют нулевой показатель. Если употребление сослагательного наклонения имело место в предложениях, примерно, одного и того же типа, то употребление условного наклонения в арабском языке очень разнообразно. И надо сказать, что эта форма имеет значение условного наклонения только с условными частицами, в других же случаях значение этой формы, с нашей точки зрения, не является условным.³

Очень соблазнительно сопоставить эти формы с соответствующими формами и значениями в аккадском: совпадение получается разительное, так как в аккадском с теми же частицами пожелания и отрицания и условия употребляется форма с нулевым показателем, т. е. аккадское изъявительное наклонение.⁴ Это сопоставление наводит нас на мысль,

¹ Н. Reckendorf. Arabische Syntax. Heidelberg, 1921, p. 454 ff.

² Привожу только один пример, так как такое развитие является общим для языков самых различных структур. См.: С. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, p. 42 (о языке фул): „Das Suffix -o (-o) hat deutlich lokative Funktion am Verbum... In den meisten Fällen ist aber die lokale Vorstellung an die Finale übergegangen; z. B. Omo rāra 'er sieht'; omo yaha raroa 'er geht um zu sehen'; o rāri 'er sah'; o yehi raroi 'er ging um zu sehen'.

³ Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, стр. 105. — Н. Reckendorf, op. cit., §§ 10; 24, 3; 27; 28; 258 и стр. 517 и сл.

⁴ Ср. аккадские формы изъявительного наклонения:

1) <i>likšud</i>	'пусть он достигнет'
2) <i>lā takaššad</i>	'не достигай!'
3) <i>šumma ikšud</i>	'если он достиг'

и арабские формы *arosoratus'a* с частицами:

1) 'in yaktub	'если он напишет'
2) <i>lā taktub</i>	'не пиши!'
3) <i>liyaktub</i>	'пусть он напишет'

что так называемая усеченная форма в арабском по происхождению есть не что иное, как изъявительное наклонение, исходная форма, имевшая нулевой показатель, от которой образовались другие формы. Это предположение, как нам кажется, может объяснить все употребления этой формы. Вместе с тем оказывается, что первоначально условное наклонение, как и в аккадском, выражалось синтаксически: изъявительное наклонение получало условное словечко и вместе с ним выражало условное значение. Впоследствии эта синтаксическая форма стала морфологической. Но этот процесс был связан с образованием новой формы изъявительного наклонения, формы на „u“, совпадающей с аккадским *subjunctiv*'ом, особым видом сказуемого придаточного предложения. К рассмотрению этой формы в арабском мы сейчас и перейдем.

Итак, мы будем исходить из того, что форма с нулевым показателем является древнейшей формой не только для аккадского языка, но и для арабского. С такой точки зрения форма на „u“ в арабском должна быть формой производной и вторичной. Мы полагаем, что в пределах простого предложения нет условий для возникновения новой формы наклонения. Как и выше, при рассмотрении *subjunctiv*'а и *arosoratus*'а (происхождение значения которых нельзя отрывать от образования целевых и условных предложений), так и теперь нам следует обратиться к сложным предложениям.

Мы склонны думать, что пути образования сложного предложения в арабском не отличаются от аккадского, а именно, и в арабском языке, как и в других языках, сложное предложение создается либо в результате соединения двух простых предложений, либо возникает изнутри простого предложения через оборот с отглагольным именем.¹ О втором пути образования предложения мы говорили при образовании *subjunctiv*'а, формы на „u“ в аккадском языке. Этот же путь мы хотим видеть и в арабском. Признаки его мы находим в том, что в арабском существуют обороты с именами действия с предлогами, причем значение падежа имени действия прежде всего — локатив. Далее следует указать на то, что и в арабском спрягаемая форма глагола заменила имя действия, как это зафиксировала также и арабская филологическая терминология.² И, наконец, употребление предлогов в функции союзов подчиненного предложения также указывает на то, что вместо придаточного предложения раньше была конструкция с отглагольным именем с предлогом.³ Процесс развития, как нам кажется, аналогичен был тому, который был в аккадском. Иными словами, первоначально имя действия стояло в косвенном падеже, в локативе, который когда-то оканчивался и в арабском языке на „u“.⁴ Затем, спрягаемая форма глагола заменила имя действия и приняла показатель „u“ как показатель подчинительных связей и отношений. Нам надо помнить, что аффиксы в семитическом глаголе присоединялись в порядке агглютинации. Таким образом, как нам кажется, форма на „u“ появилась прежде всего в придаточном предложении в качестве изъявительного наклонения в глагольном сказуемом. Создалось, таким образом, положение, которое мы застаем в аккадском языке:

¹ См. стр. 128, прим. 3.

² H. Reckendorf, op. cit., p. 377, Anmerk. 1: 'udila 'ani l-masdari 'ilal-fi'li 'man setzt ein Verbum an die Stelle des Infinitivs'. См. также § 192. Для нас важно, что союз сложного предложения называется „harfun masdariun“ 'частица имени действия'.

³ Brockelmann, op. cit., II, p. 588, § 348a. Точно так же обстоит дело и в других семитических языках.

⁴ Op. cit., I, p. 462; см. также: H. Reckendorf, op. cit., § 123: «Die auf „u“ auslautenden Adverbien behalten in der Regel das „u“ wenn sie von einer Präposition a ängen».

изъявительное наклонение с нулевым показателем, изъявительное наклонение с показателем „u“ в роли предиката придаточного предложения, изъявительное наклонение с нулевым показателем и различными служебными словами как синтаксическое выражение условного наклонения и, наконец, форма „a“ в роли терминатива. Развитие прежде всего сложного предложения в арабском приводит к тому, что начинается специализация и уточнение отдельных типов придаточного предложения, а вместе с ними и изменение значения интересующих нас форм. Как мы говорили уже выше, развитие и выделение целевых предложений превращает форму на „a“ в *subjunctiv*. Обособление условных и родственных ему предложений приводит к превращению нулевой формы с служебными словами в морфологическую форму для выражения условного и близких ему смыслов.¹ Таким образом единственной формой, выражающей изъявительное наклонение, оказывается форма на „u“, которая первоначально возникла в придаточном предложении. Из придаточного предложения эта форма на „u“ переходит в главное для выражения изъявительного наклонения. Этот переход был облегчен также и тем, что развитие подчинительных союзов из предлогов, местоимений и наречий свело к нулю подчинительный характер „u“, восходящего в этой форме к локативу.

Итак, мы полагаем, что первоначально путь развития наклонений в аккадском и арабском был один и тот же. Развитие сложного предложения в арабском, обособление некоторых типов придаточных предложений, было причиной возникновения тех форм и значений, которые мы только что рассмотрели.

---

¹ В связи с тем, что усеченная форма закрепила за собой значение условного наклонения, как одного из нереальных наклонений, становится понятным, почему эта форма употребляется для выражения пожелания, повеления и запрещения: последнее также относится к категории нереальных значений.